

ЮБИЛЕИ УЧЕНЫХ

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЛУНГЯН
(К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Есть учёные-гуманитарии, сфера интересов которых очень широка и образует некоторый континуум без чётких внутренних границ – например, “общее языкознание” или “культурология”. Нередко достижения таких авторов обоснованно критикуют более узкие специалисты. Владимир Александрович Плунгян – лингвист скорее не *широких*, а *многообразных* интересов, причём в каждой из избранных им областей он обладает той квалификацией, которая характерна именно для “узкого специалиста”, всю жизнь работавшего над этой темой. И если, говоря об учёных означенного выше типа, трудно более конкретно охарактеризовать их специальность, для Владимира Александровича такие слова есть. Однако совмещение их встречается нечасто, и не всегда легко поверить, что речь идёт об одном и том же человеке. Сочетание интереса к языковой типологии и занятий конкретным языковым ареалом (Африкой) вполне естественно – собственно, так и должен работать любой квалифицированный типолог, спускающийся с высоты заслуженно критикуемых “больших выборок” на землю подробных описаний и полевого материала. А вот африканистов-стиховедов или типологов – корпусных лингвистов в мире, наверное, не так много, хотя и не берусь утверждать, что только один. Но отдел “корпусной лингвистики и лингвистической поэтики” в мире наверняка один – и только одному человеку под силу возглавить структурное подразделение с таким названием...

Тем не менее в каждом выборе области исследования есть своя логика, диктуемая, конечно же, личностью исследователя. При этом расхожее легкомысленное клише “менять увлечения” здесь неуместно: стиховед не забывает о том, что он африканист, а корпусный лингвист продолжает пользоваться авторитетом среди типологов.

Если судить по теме его кандидатской диссертации, Владимир Александрович – специалист по африканским языкам. В 1982 году окончивший (сразу после этого фактически расформированное) Отделение структурной и прикладной лингвистики филфака МГУ Плунгян был принят на работу именно в сектор африканских языков Института языкознания. Но до этого он увлекался славянскими и романскими языками, писал работы о синтаксисе латыни, о русской морфологии, участвовал в лингвистических экспедициях в Дагестане – словом, вёл себя как типичный студент ОСиПЛа, хотя не каждый его выпускник отдаёт дань своим студенческим увлечениям всю жизнь. Между тем тонкие наблюдения в области латинского и романских языков или славистики встречаются во многих работах Владимира Александровича. Африканистикой Плунгян занялся под руководством Н.В. Охотиной, крупного ответственного специалиста, чьи достижения и яркая личность повлияли на развитие африканистики в нашей стране, на формирование в этой области особой профессиональной атмосферы. Диссертация была посвящена описанию языка догон в Мали; по этой теме Плунгяном были изданы две монографии, одна из них в Германии по-английски. В самом начале постсоветской эпохи, когда стали возможны экспедиции в Африку, Плунгян работал в Мали, в крайне труднодоступной стране догонов, где впервые описывал один из крупнейших диалектов этого языка. В знаменитой “Типологии результативных конструкций” под редакцией В.П. Недялкова (английское издание, 1988) к переводным статьям из первого русского издания добавлен очерк о результативности в догон, написанный Плунгяном. На фоне жёстко заданной структуры Петербургской типологической школы раздел, написанный молодым учёным, отличался духом свободы – там всё не так, как в недялковской схеме; но таков и ма-

териал – крайне своеобразный язык народа, который, по легенде, общался с пришельцами с Сириуса... При активном участии Плунгяна вышло несколько томов коллективной монографии “Основ африканского языкознания”, ему принадлежит множество публикаций в авторитетных международных африканистских изданиях.

Плунгян – специалист по типологии языков, прежде всего по типологии грамматических значений и морфологических структур. Его докторская диссертация, защищённая в возрасте 37 лет, называлась “Грамматические категории, их аналоги и заместители” (отметим литературное изящество этого названия в духе романов Диккенса) и трактовала чрезвычайно интересную и малоизученную тему скрытых категорий и пограничных явлений между грамматической категорией (в понимании “Русского именного словоизменения” А.А. Зализняка) и лексическими явлениями. Написанный на эту тему учебник “Общая морфология: введение в проблематику” вышел в 2000 году и уже выдержал несколько изданий. Для этой книги характерен ряд принципов, программно изложенных самим автором: последовательно типологическое описание языковых явлений с точки зрения всего пространства возможностей, представленных в языках мира; отсутствие догматизма, постоянное изложение нескольких конкурирующих подходов.

Казалось бы, учебник – не вполне самостоятельная работа по определению. И тем не менее, излагая чужие точки зрения, автор постоянно предлагает и собственные версии, открытия, наблюдения, отнюдь не подавая их как истину в последней инстанции. В настоящее время в печати находится работа Плунгяна о грамматической семантике, в основе которой лежит значительно расширенная вторая часть книги 2000-го года. Член Ассоциации лингвистической типологии (ALT), Владимир Плунгян – типолог европейского уровня, чьё имя стоит наравне с именами Мартина Хаспельмата, Бернарда Комри, Эстена Даля, Гревилы Корбетта и других. Он много работал и постоянно публикуется за рубежом. Из наиболее важных следует назвать выполненные совместно с бельгийским учёным Й. ван дер Ауверой обширные статьи о семантической зоне модальности (и типологии “семантических карт” вообще), а также о так называемом “неактуальном прошлом”. Плунгяну принадлежит большое число публикаций по ряду конкретных явлений грамматики разных языков, под его редакцией в Москве вышло несколько выпусков серии “Исследования по теории грамматики”.

Поэзия – давний, с детства, интерес Плунгяна, впоследствии представший новой стороной благодаря тому, что Якобсон называл “поэзией грамматики и грамматикой поэзии”. Продолжая нашу мысль о многообразии научных интересов юбиляра, приведём цитату, которую *mutatis mutandis* можно к нему применить – Президент Жорж Помпиду, автор любимой Владимиром Александровичем антологии французской поэзии, писал: “Я испытываю не только что вкус, но настоящую страсть к поэзии. И я задался следующим вопросом: не два ли человека живут во мне, как сказано в одном из псалмов? Один стремится к Богу, то есть к поэзии, а другой подвержен дьявольскому искушению, то есть политической деятельности? Или же можно утверждать, что поэзию и политику можно примирить?..” К счастью, лингвистика – не дьявольское искушение, и с поэзией её специально “примирять” не надо. Один из спецкурсов, прочитанных в МГУ Владимиром Александровичем, назывался “Латинский язык: грамматика и поэзия”. На эту тему Плунгян написал ставшую редкой и заслуживающую переиздания книжку “*Vox Latinae*” – оригинальное изложение латинской морфологии в сочетании с мини-антологией латинской поэзии, тщательно переведённой и прокомментированной. Исследование языка поэтического творчества неисчерпаемо, и даже в такой, казалось бы, хорошо изученной области, как метрика, есть множество новых возможностей. Сколько лет прошло с тех пор, как покойный академик М.Л. Гаспаров заявил, не без доли полемического эпатажа, что в стиховедении сделано уже всё и нужно только “время и способные аспиранты”. И всё-таки в наше время ещё можно открыть новые стихотворные размеры – таков “пеонический дольник”, обнаруженный Плунгяном в русской поэзии XX века; ещё можно новым взглядом окинуть метрический репертуар крупнейших поэтов того времени – таковы работы Плунгяна о Вячеславе Иванове, Кузмине, Мандельштаме...

Во многом делать эти открытия помогает корпус русских поэтических текстов, придуманный Владимиром Александровичем и реализованный под его руководством (и при его тщательном и кропотливом участии). Отдел “корпусной лингвистики и лингвистической поэтики”, который Владимир Александрович возглавляет в Институте русского языка РАН, носит необычное двойное название: в нём соединились Отдел Машинного фонда русского языка и Отдел стилистики и языка художественной литературы, где работал М.Л. Гаспаров. Действительно, корпусная лингвистика – это то, к чему естественно привели ра-

боты Плунгяна как в “чистой” лингвистике, так и в стиховедении.

Идея создания общелингвистических национальных корпусов существует уже давно, и в России насчитывает четвертьвековую историю. Что касается стиховедения, то никакие обстоятельные суждения о метрике, строфике, рифме невозможны без детальных статистических обследований репертуара эпохи, и репрезентативный электронный ресурс – это то, что жизненно необходимо для такой работы (случай, когда подсчёты одного стиховеда в корне противоречили подсчётам другого, пользующегося другой выборкой или другим, не всегда верифицируемым методом, увы, не столь уж и редки). Но создать большой общедоступный русский корпус и первый в мире поэтический подкорпус удалось только коллективу под руководством Владимира Александровича (и уже началось описание русского языка на базе корпуса – сборник “Корпусные исследования по русской грамматике”, 2009). А через несколько лет по его же идее возник корпус ещё одного крупного литературного языка – армянского (Востоочноармянский национальный корпус).

И объясняется это не только несомненными организационными способностями юбиляра, но прежде всего – его научными взглядами, выраженными в ряде публикаций и интервью. Плунгян считает, что основной материал лингвистики – совокупность текстов, что эксперименты с носителями языка о правильности или неправильности искусственных выражений на самом деле мало что говорят о языке, потому что говорящий не может объективно оценить конструкцию, которой реально не пользуется; ключевую роль играет статистика явлений (о важности которой в своё время писали пражцы – Вилем Матезиус и Николай Трубецкой). Нередко в его работах звучит полемически заострённое против генеративного подхода к языку утверждение о том, что явление, отсутствующее или слабо представленное в корпусе, в некоторой степени можно полагать отсутствующим и в языке вообще. В полуроническом философском эссе “О (бес)конеч-

ности языка”, напечатанном в 1999 году, ещё до появления русского корпуса, а написанном и того раньше, проводится парадоксальная мысль о том, что множество текстов, которые можно создать на данном языке, является конечным, что язык исчезает не под воздействием внешних условий, а когда исчерпает себя, когда он “выговорится”... Пожелаем языкам, корпуса которых созданы под руководством Плунгяна, ещё долго быть потенциально необъятными, доступными для любого исследования и верификации любой гипотезы.

Плунгян преподаёт в российских и зарубежных вузах (в МГУ это прежде всего курс “Общая морфология” и множество спецкурсов), под его руководством защитили кандидатские диссертации многие российские лингвисты. Его лекции, с неизменной естественной манерой речи, свободой рассказа, иронией, стихотворными цитатами, запоминаются надолго, спецкурсы привлекают большое количество студентов ОТиПЛа и Института лингвистики РГГУ. Для более юной аудитории Владимир Александрович написал популярную книгу “Почему языки такие разные?” (1996, переиздавалась неоднократно, в том числе в переработанном виде в составе энциклопедии издательства “Аванта+”).

В 2009 г. Плунгян избран членом-корреспондентом Российской академии наук, он возглавляет два подразделения в двух институтах – кроме названного отдела ИРЯ, ещё и сектор типологии в Институте языкознания РАН, является профессором кафедры ТиПЛ МГУ, ответственным секретарём журнала “Вопросы языкознания”... Для такого типа научной личности, как Владимир Александрович, это не карьерные успехи, а закономерный (и наверняка несладкий) плод разнообразия интересов и роста авторитета в разных научных сферах. И всё же, несмотря на это, хочется пожелать юбиляру новых, совершенно неожиданных увлечений и интересных результатов в какой-нибудь совершенно новой области, не беремась предсказывать – в какой.

Д.В. Сичинава